

УДК 327.8

БЕСПОЛЯРНЫЙ МИР: УПАДОК ГЕГЕМОНИИ США В КОНЦЕ 2000-х – НАЧАЛЕ 2010-х ГОДОВ

© 2014 г. **А.С. Скриба***
НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Автор анализирует современную международную политику с точки зрения её полюсности, а также места в ней США, чьё влияние на международные процессы хоть и остается преобладающим, однако всё же снизилось; исследуются особенности международной политики США и других центров силы в контексте постепенного формирования полицентричной картины мира; оценивается, как США могут ответить на вызов перераспределения силы в пользу «остального мира».

Ключевые слова: *бесполярный мир, полицентричность, США, баланс сил, гегемония, момент однополярности.*

В конце 2000-х – начале 2010-х годов в американской политической науке многие исследования, посвящённые месту США в международной системе и перспективным направлениям развития их внешней политики, продолжают базироваться на уверенности авторов в доминирующих позициях этой страны на мировой арене (например, работы С. Уолта, Дж. Икенберри, М. Мастандуно, У. Уолфорта, Р. Швеллера). Международная система в этих работах характеризовалась не иначе как однополярная, где Соединённым Штатам отводится роль гегемона, продолжающего единолично возвышаться над остальными странами мира. Более того, известный американский политолог Зб. Бжезинский, комментируя скептические прогнозы относительно будущего влияния США, отметил, что предсказания о «закате» Америки имели место и ранее, однако никогда не сбывались [4, с. 83].

Такие взгляды основывались на двух главных составляющих. Первая из них апеллировала к тому факту, что Соединённые Штаты остаются самым сильным игроком на международной арене – последней сверхдержавой, одержавшей победу в «холодной войне». Вторая же указывала, что американская мощь (военная, экономическая) не может быть никем эффективно оспорена или проигнорирована. В результате основная дискуссия сосредоточилась преимущественно вокруг путей развития этого доминирования. Иначе говоря, американские ученые полагают, что будущее гегемонии Соединённых Штатов зависит исключительно от их поведения.

При этом, анализируя новые тенденции в международных отношениях, западные учёные стремились всячески адаптировать их к концепции однополярного мира, не проводя углублённых исследований обратного влияния совре-

* СКРИБА Андрей Сергеевич — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: askriba@hse.ru

менных международных процессов на американскую «монополюсность». Здесь нельзя не заметить, что отношения государства и международной среды носят детерминирующий характер, а следовательно политика международного сообщества в годы американского доминирования не могла не сказаться на нём самом так же, как и на однополярности современного мира.

Сегодня едва ли можно игнорировать экономическое усиление таких региональных лидеров, как Китай и Индия, интеграционные процессы в Европе (Европейский Союз) и на бывшем пространстве СССР (Евразийский союз). При этом сами Соединённые Штаты отнюдь не преуспели в аналогичных интеграционных шагах у себя в регионе. В результате на международной арене всё более уверенно появляются новые сильные игроки, которые не бросают вызов нынешнему гегемону, однако как минимум в некоторых областях уже способны составить ему достойную конкуренцию.

Однополярность и новое восприятие США

После окончания биполярного противостояния США стали единственной сверхдержавой. Впервые за долгое время существования глобальной международной политики сложилась однополярная модель мира. Тогда, в 1990-е годы, это поставило перед международным научным и политическим сообществом принципиально новые вопросы. Насколько стабильной может быть однополярная система? Будет ли достаточно эффективным такой миропорядок? И главное – что делать с принципом баланса сил, который на протяжении столетий характеризовал отношения между великими державами?

С определённой долей уверенности можно сказать, что, оказавшись в положении последней и самой большой политической силы на международной арене, Соединённые Штаты не имели чёткой стратегии своего дальнейшего развития. Несмотря на обладание колоссальными ресурсами (экономическими, технологическими, людскими, военными и пр.), этой стране так и не удалось создать эффективные механизмы поддержания мира и стабильности. Напротив, в конце XX века руководство США, игнорировавшее различные нормы международного права, окончательно «добивало» старые устои международной политики, ориентируясь лишь на собственное видение категорий добра и справедливости.

Такая политика в целом соответствовала теории «конца истории» [9], ставшей весьма популярной и нашедшей большую поддержку в странах либеральной демократии. Согласно этой гипотезе, победа либеральных и демократических взглядов есть не отдельный эпизод истории международной политики, а её логичное завершение. Не имея иных конкурентоспособных альтернатив, либерально-демократические движения и революции должны были охватить всё международное сообщество, фактически сделав бессмысленными силовые конфликты между государствами. Наиболее точно сложившуюся ситуацию охарактеризовал в декабре 2000 г. государственный секретарь США К. Пауэлл, по словам которого после коллапса коммунизма наступает коллапс всех прочих границ и препятствий, поскольку результатом глобализации становится революционизация всего мира, «...и во главе этой революции стоит Америка» [7, с. 242].

Наверное, было наивно ожидать, что страна, победившая в «холодной войне» и не имеющая ни конкурентов, ни каких бы то ни было иных сдерживающих факторов, внезапно озаботится вопросами международной безопасности и предпримет попытки сформировать новый миропорядок не самостоятельно, а с участием других международных сил. С этой точки зрения поведение Соединённых Штатов видится несколько неправильным и не соответствующим принципам всеобщей справедливости, однако весьма логичным для государства их положения и статуса.

Однако, разрушив де-факто биполярную архитектуру международной политики (или, по крайней мере, минимизировав авторитет оставшихся от неё институтов), США не предложили новую модель мироустройства, которая соответствовала бы ожиданиям международного сообщества. В отсутствие стабильной международной системы, а также на фоне внутрисударственной и международной нестабильности на рубеже столетий безусловный авторитет Соединённых Штатов и целесообразность однополярного мира стали всё чаще ставиться под сомнение.

В условиях биполярного противостояния потребность в таком сильном международном субъекте, как Соединённые Штаты, была обусловлена запросом со стороны многих стран сбалансировать Советский Союз и идеологически близкие к нему государства, представлявшие угрозу либерально-демократическим устоям остального мира. После распада СССР и Организации Варшавского договора необходимость в подобном «балансире» объективно исчезла. Соответственно, ранее «примыкавшие» к США страны начинали демонстрировать всё более независимую политику, которая далеко не всегда совпадала с интересами последней сверхдержавы.

Иными словами, в начале XXI века международное сообщество разочаровалось в однополярности, осознало её неэффективность в решении насущных международных проблем и обеспечении глобальной безопасности. Политика США более не отождествлялась государствами с защитой их собственных интересов, а потому они предпочли следовать собственным путём. Используя новые возможности глобализации международной экономики, собственные преимущества и потенциал, многие страны стали успешно наращивать своё влияние, пока лишь в региональных рамках.

Однако и этого было достаточно, чтобы констатировать свершившееся: возвышение новых региональных центров силы, претендующих на собственные зоны влияния, ознаменовало окончание периода однополярности. Сегодня момент однополярности международной политики можно с уверенностью рассматривать скорее как историческую случайность, ставшую реальностью вследствие неподготовленности международного сообщества к стремительному невоенному распаду прошлой системы отношений. При этом завершение однополярности не стало одномоментным и заняло большую часть первого десятилетия XXI века.

Что касается Соединённых Штатов, то у них по-прежнему отсутствовала чёткая и, самое главное, созидательная внешнеполитическая стратегия. Другой государственной секретарь США К. Райс охарактеризовала эту ситуацию следующим образом: после окончания «холодной войны» «мы скорее знали, где мы находимся, чем куда нам нужно двигаться» [20].

Полицентризм и баланс сил в новой международной системе

Итак, международную систему начала 2010-х годов уже едва ли можно назвать однополярной. В таком случае возникает вопрос, какая она сейчас и какие страны можно считать новыми полюсами силы? На первый взгляд мир может показаться многополярным, с несколькими центрами силы, к которым по совокупному потенциалу (принципу участия в мировой экономике и расходов на оборону и пр.) часто относят США, Китай, Россию, Европейский Союз и с некоторыми оговорками – другие страны. Однако более детальный анализ категории «полярность» (или «полюсность») заставляет охарактеризовать международную политику несколько иначе.

На сегодняшний день в международной практике и политической науке отсутствуют общепризнанные теории полюсов и полюсных систем, в связи с чем в эти понятия вкладывается неодинаковый смысл. Так, согласно одной из точек зрения, государство может рассматриваться в качестве «полюса» только в том случае, если оно обладает достаточными возможностями для защиты себя от других субъектов международных отношений, уже считающихся «полюсами» или претендующих на эту роль [17]. Представителями школы реализма полюсность чаще всего понимается как точка концентрации и локализации силы [15].

Резюмируя различные взгляды, можно согласиться с мнением, что в международной политике полюсность означает существование сопоставимых по своему совокупному потенциалу игроков, прежде всего государств, одновременно предполагающих и отрицающих друг друга, взаимодействующих в острой конкурентной борьбе за выживание. Эти субъекты международных отношений формируют вокруг себя глобальное силовое поле, которое охватывает практически все страны мира, группирующиеся вокруг полюсов или располагающиеся между ними. Полюсные системы обеспечивают относительную стабильность и исключают возможность появления «третьей силы», сопоставимой по своему потенциалу с полюсами [5].

Из сказанного также следует, что понятия «однополюсная» и «многополюсная» международная система — не совсем корректны [1; 6]. В целом это соответствует сделанному ранее выводу об однополярности в 1990-х – начале 2000-х годов как о следствии исчезновения одного из полюсов, которое со временем также ушло из международной практики. Результатом этого могла стать либо бесполярность, либо биполярность международной среды. Последнее, очевидно, оказалось невозможно ввиду отсутствия сопоставимого Соединённым Штатам конкурента, способного возродить блоковое противостояние.

Очевидно, основной чертой международной политики в начале XXI столетия становится бесполярность, которая характеризуется наличием многочисленных центров силы, оказывающих различное влияние на положение дел в мире [12]. Под такими центрами силы следует понимать международные субъекты, обладающие комплексной мощностью (военной, экономической, финансовой, научно-технической), способностью регулировать мировые процессы и внешнеполитическое поведение других государств [5]. Уровень конфронтации между такими центрами силы относительно невысок (по сравнению с биполярной системой), в связи с чем появилось мнение, что бесполярность современного мира – не просто результат подъёма одних государств и снижения относительного потенциала Соединённых Штатов, а долгосрочная тенденция развития международной политики, где США всё же сохранят свою лидирующую роль [12].

Это, однако, идёт вразрез с традиционными представлениями школы реализма, требующего существования в относительно стабильной международной среде определённого баланса сил между ведущими мирополитическими игроками. Очевидно, что в настоящее время такого баланса сил не существует, хотя его появление предсказывалось ещё в самом начале 1990-х годов [24]. Следовательно, в международной практике возникает существенное противоречие. С одной стороны, государство, переставшее быть последним полюсом силы, остаётся несомненным гегемоном в международной политике, и его действия направлены на удержание нынешних позиций, сохранение влияния и авторитета как глобального лидера [8]. С другой стороны, иные международные субъекты, вопреки ожиданиям и классическим теориям, не проводят согласованную политику, направленную на сдерживание силы гегемона и пересмотр сформировавшего распределения силы.

История международных отношений знает немало примеров, когда государство, превосходящее иные с экономической и военной точек зрения, рассматривалось последними не иначе как источник потенциальной угрозы, и в отношении него начинала проводиться политика балансирования / сдерживания, целью которой было сохранение сложившегося статус-кво. В случае если одно государство оказывалось не способно эффективно сдерживать растущее влияние оппонента, возникали объединения государств – краткосрочные альянсы, сдерживающие общую потенциальную внешнюю угрозу [23].

На примере отношений Соединённых Штатов с сильными региональными лидерами мы не только не видим такой практики, но, напротив, можем констатировать относительно благоприятный (по крайней мере в сфере экономики) уровень взаимных контактов. Например, отношения США и ЕС политически и идеологически можно назвать близкими или даже союзническими (в рамках НАТО); экономическое сотрудничество с Китаем успешно и интенсивно развивалось в 2000-е годы и было обоюдовыгодным; в отношениях с Россией по-прежнему сохраняются многочисленные противоречия, оставшиеся со времён «холодной войны» и несколько усилившиеся в начале 2014 г., однако уровень двустороннего диалога в XXI веке всё же характеризуется меньшей напряжённостью по сравнению с диалогом США – СССР.

Указанные обстоятельства поднимают три вопроса, ответы на которые позволят более точно определить перспективы американской гегемонии.

Первый вопрос – почему растущие региональные лидеры не выступают против «глобального лидера» и не стремятся к перераспределению силы и сфер влияния?

Второй – почему США не предпринимают более решительных действий для сохранения своих нынешних позиций? Как уже было сказано, американское тотальное превосходство над остальными странами, ставшее реальностью в конце XX века [25], постепенно снижается в связи с растущей силой иных субъектов международных отношений, и очевидно, что позицию Соединённых Штатов по этому вопросу едва ли можно назвать активной.

Третий вопрос касается относительно невысокого уровня конфронтационности международной среды и возможности его сохранения по мере сокращения разницы потенциалов, силы и влияния между нынешним гегемоном и его растущими оппонентами. Иными словами, что ждёт международную политику, когда она станет ареной конкуренции равных, как это было в системах баланса сил?

Школы реализма о политике балансирования

Ещё на заре зарождения политического реализма в науке о международных отношениях один из его основоположников, рассматривая различные ситуации сдерживания, уравнивания государствами друг друга, в качестве единственно потенциального «балансируемого», т.е. требующего сдерживания субъекта, называл империалистическую державу, непосредственно угрожающую существованию иных субъектов международной политики [18]. Иными словами, для противостояния гегемону требуется не только превосходство последнего над остальными странами, но и факт исходящей от него непосредственной угрозы существованию другим международным субъектам.

Очевидно, что при всей агрессивности внешней политики, зачастую попирающей нормы международного права, Соединённые Штаты в 1990-е, 2000-е и тем более в начале 2010-х годов не могли быть охарактеризованы как империя в традиционном смысле этого слова. Безусловно, США пытались сохранить своё влияние в мире, однако не стремились к расширению собственной территории за счёт других государств и установлению там постоянного контроля. При этом не наблюдалось и непосредственных вооружённых конфликтов между США и развивающимися региональными лидерами. Иные же военные конфликты с более слабыми странами были слишком несущественными для дестабилизации мирового порядка и формирования полноценной антиамериканской коалиции.

Немаловажным был и тот факт, что географически США как потенциальная угроза находились слишком далеко от своих главных мирополитических конкурентов (не имея общих сухопутных границ с Китаем, Россией и ЕС). В результате этого минимизировался шанс внезапного вооружённого столкновения между сторонами вблизи их государственных границ, так как любое перемещение вооружённых сил легко отслеживалось, а стационарные региональные американские военные контингенты были явно недостаточны для завоевания сколь бы то ни было крупного государства. Кроме того, не следует забывать и о том, что распространение ядерного оружия и угроза взаимного уничтожения (осознанная после Карибского кризиса) значительно снизили уровень конфронтационности хотя бы в отношениях между членами ядерного клуба. Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что коллективное сдерживание Соединённых Штатов как военной силы даже не рассматривалось другими сильными государствами ввиду отсутствия объективных предпосылок подобной внешней политики.

Что касается иных сфер и форм политики балансирования, то здесь со стороны сильных региональных лидеров главным можно считать вопрос о целесообразности *активных действий* по ограничению и уменьшению глобального влияния США. Как полагают представители школы реализма, «государстваревизионисты» будут лишь тогда стремиться к изменениям международной системы, когда выгоды от этого перевесят их затраты [10]. И на первый взгляд выгоды от подобных изменений для новых региональных центров силы едва вызывают сомнения.

Тем не менее, издержки участия в «переделе поделённого мира» были и по-прежнему остаются слишком высокими. Для одного государства экономическое или политическое (на международной арене) противостояние Соединённым Штатам не представляется возможным, так же как и формирование антиамериканской коалиции (экономической и политической) ввиду различий

национальных интересов и видения своего места в новой международной системе у региональных лидеров.

Оценивая политику потенциальных ревизионистов, нельзя игнорировать и то, что глобализация международных экономических отношений привела к разительному росту взаимозависимости между государствами, в том числе между мировым гегемоном и региональными центрами силы. Это означает, что любые резко негативные изменения экономики одного из них не могут не оказывать отрицательного влияния на экономику другого. Наиболее наглядный практический пример этой ситуации — мировой финансовый кризис, источником которого стали Соединённые Штаты [3]. Тогда ограничение сотрудничества с США, отказ от долларовой ориентации и реформирование всей международной валютной архитектуры было весьма многообещающим вариантом развития событий, который, однако, привёл бы к ещё большей экономической нестабильности во всех странах, причём на неопределённое время. В итоге крупные государства воздержались от сколь бы то ни было конфронтационных и, следовательно, обоюдно дестабилизирующих шагов.

Главный вывод, который из этого можно сделать, заключается в том, что для региональных лидеров вопросы внутреннего развития и региональной стабильности более приоритетны, нежели авантюрное соперничество с «несбалансированной» американской силой, т.е. в условиях отсутствия уравновешивающего эту силу фактора. И это неудивительно, поскольку у многих из них оставались нерешёнными важные внутренние проблемы, включая отставание от тех же Соединённых Штатов по различным показателям, определяющим уровень жизни населения. Даже у ЕС, если рассматривать союз как единого игрока международной политики, в конце 2000-х — начале 2010-х годов отчётливо обозначились внутренние институциональные проблемы. Любая же форма внешней конфронтации требует дополнительных ресурсов, которые в посткризисные годы целесообразнее направить на восстановление экономики и инвестирование в её дальнейшее развитие.

Что касается вопросов региональной стабильности и безопасности, то их актуальность для центров силы на фоне отношений с США также возросла и стала всё чаще проявляться на примере диалога с приграничными малыми и средними государствами. Эти страны за последние два десятилетия не только не утратили своего значения, но и, напротив, демонстрируют эффективную способность к выживанию. Беспольность международной среды открыла перед малыми государствами значительно более широкий диапазон возможностей, среди которых, как отметил американский учёный С. Уолт, и спекуляции на противоречиях между более сильными субъектами международных отношений [22]. В итоге задача построения стабильной *региональной системы* в постбиполярное время уже несколько превзошла потребность в пересмотре конфигурации всей мировой системы.

В целом можно зафиксировать, что региональные центры силы демонстрировали относительно пассивное поведение по отношению к мировому гегемону по следующим основным причинам: отсутствие непосредственной практической угрозы со стороны США; ограниченные возможности и низкие перспективы инициации ими конфликта с региональным лидером; невыгодность активного пересмотра сложившейся международной системы для других центров силы (когда издержки превышают выгоду); концентрация на внутренних и регио-

нальных проблемах. Таким образом, на практике сильные страны ревизионистской политике предпочли постепенное сокращение отрыва от нынешнего гегемона.

Внутренние причины снижения влияния гегемона

Несмотря на относительную пассивность региональных центров силы, налицо постепенное сокращение разрыва их потенциала и влияния в сравнении с пока удерживающим свои лидирующие мировые позиции гегемоном. Это, в свою очередь, поднимает вопрос о необходимости реакции на этот вызов со стороны Соединённых Штатов. В противном случае, если нынешние тенденции сохранятся, то эта страна не только лишится своего нынешнего статуса, но может даже оказаться в «международной оппозиции» в роли того самого «балансера» перед лицом уже другой, более сильной державы.

В одной из своих статей известный американский исследователь Ф. Закариа перечислял различные вызовы позициям США в различных сферах общественной жизнедеятельности и обнаружил, что современное снижение их влияния (или возвышение остального мира – *«the rise of the rest»*) имело место и в прошлом. Так, по его мнению, несмотря на то что вторая половина XX века была эпохой американского превосходства, как минимум трижды перед Соединёнными Штатами возникал риск этого превосходства лишиться. Это было в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда Советский Союз опережал США в космической гонке, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда кризисы в Персидском заливе и рост цен на нефть показали зависимость американской экономики от внешних источников стратегического сырья, а также в 1980-е годы, когда многие эксперты видели будущего технологического лидера в Японии [26]. Следовательно, можно сделать вывод, что, когда перед Соединёнными Штатами возникала угроза потери своих лидирующих позиций, государственная система страны оказывалась способна эффективно ответить на этот вызов.

На первый взгляд, ситуация, сложившаяся к концу первого – началу второго десятилетия XXI века, аналогична вышеперечисленным. США всё чаще сталкиваются с вызовами, постепенно теряя своё глобальное влияние на международные процессы и утрачивая превосходство над региональными центрами силы, которые, напротив, активизируются в различных международных делах. Казалось бы, теоретически это не так уж и плохо – сбросить с себя бремя единоличной ответственности за судьбу мира и разделить её с другими государствами. Однако на практике гегемон сопротивляется этим изменениям, стремится вновь и вновь доказать миру своё превосходство над остальными, свободу действий и независимость принятия решений, опираясь лишь на собственные интересы.

И всё же нельзя не отметить, что это сопротивление было слабым, точечным и несистемным. Соединённые Штаты всячески стремились сохранить переходное состояние международной политики, не предлагая никакой стратегии стабилизации и развития отношений между государствами. Но даже эти попытки трудно назвать успешными, при том, что реализовались они далеко не на пределе американских возможностей. В итоге волнообразное участие США в международной жизни, включая военные операции в странах «третьего ми-

ра», не смогло не то что остановить, но даже замедлить глобальное перераспределение силы.

Причина такого бездействия, очень точно названного американскими политологами *do-nothing politics*, видится в том, что для постоянного роста конкурентоспособности на всех направлениях требуется не просто наличие потенциального оппонента, а полноценный вызов, ставящий под вопрос само существование США и правильность американского видения мира. В эпоху биполярного противостояния таким оппонентом долгое время и весьма эффективно выступал СССР. Победа над Советским Союзом в «холодной войне» оставила Соединённые Штаты наедине с собой, лишив внешних вызовов и стимулов к эволюции.

Как результат, политические силы страны стали акцентировать внимание не на долгосрочных стратегиях, а на сиюминутных политических дивидендах, что, как отмечал ещё в 1990-е годы американский учёный М. Портер, отрицательно сказывается на конкурентоспособности всей государственной экономики [19]. В целом можно сделать вывод, что бесполярность международной среды «расслабила» США. С одной стороны, они достигли стадии развития, при которой устаревшая политика, структуры и методы работы должны быть изменены или отброшены ради сохранения тенденции поступательного развития. Однако проблема в том, что существующая политика была выгодна «группам интересов». Реформы требовали от правительств поставить национальные интересы выше узкой выгоды, что, по словам Ф. Закариа, было невероятно сложно в условиях демократии [26]. С другой стороны, напрямую ослаблять наиболее опасных быстроразвивающихся конкурентов было также невозможно и даже опасно, тем более в конце 2000-х – начале 2010-х годов, когда их авторитет и влияние в мире по сравнению с началом 1990-х годов значительно возросли.

По всей видимости, в этом и состоит причина, почему главным акцентом американской политики последних десятилетий стало поддержание международной нестабильности. Источником этой идеи можно считать теорию «управляемого хаоса» С. Манна, которая предполагает поддержание некоторой нестабильности за пределами гегемона, при сохранении его лидирующих позиций в относительной безопасности [16]. Однако на практике максимумом американской внешней политики стало поддержание такой нестабильности в весьма немногочисленных регионах, находящихся преимущественно вне зон интересов региональных центров силы (Ближний Восток, Центральная Азия, Северная Африка). В итоге это не препятствовало и по-прежнему не препятствует постепенному усилению последних и сокращению их отставания от Соединённых Штатов.

Приходится признать, что действия США на международной арене привнесли больше хаоса не в международную среду, а в собственную внешнюю политику. Отсутствие долгосрочной стратегии привело к тому, что страна вмешивается в международные и внутренние вооружённые конфликты, которые в лучшем случае приносят политические дивиденды внутри страны. Чаще же всего их следствием становилось дальнейшее ослабление авторитета Соединённых Штатов, политика которых, как уже говорилось, вступала в противоречие с нормами международного права. Страхом от роста международной напряжённости служит тот факт, что пока никто не способен и не испытывает желания активно противостоять гегемону. Но что произойдёт, когда новые центры силы более определённо обозначат свои претензии на участие в управлении миром?

Будущее США в роли первого, но среди равных

В публикации экспертов Национального разведывательного совета США предлагается оценка международного веса ведущих мировых держав и прогноз динамики его изменения к 2025 г. Так, по их мнению, в 2010 г. наиболее влиятельным государством были Соединённые Штаты, на которые приходится 20% влияния в мире; второе место занимают страны Евросоюза (17%), третье – Китай (14%), четвертое – Индия (8%), пятое – Япония (4%), шестое – Россия (3%) и седьмое – Бразилия (2%). К 2025 г. расстановка сил изменится: США сохраняют лидерство, однако доля их влияния снизится примерно до 18%; на второе место выйдет Китай, который будет обладать примерно 16% влияния, а страны Евросоюза займут третью строчку (14%); Индия останется на четвертом месте, увеличив долю влияния почти до 10%; Япония, Россия и Бразилия останутся на прежних позициях (соответственно примерно 4,3% и по 2,5% влияния) [11].

Существуют и иные прогнозы изменения соотношения потенциалов сильных региональных государств, основанные на показателях ВВП, расходах на оборону, численности и качества людских ресурсов, уровне развития технологий и пр. И все они в целом подтверждают обозначенную тенденцию становления полицентрического мира: уже в ближайшее десятилетие всеобъемлющее превосходство США над странами остального мира перестанет быть таковым и последняя сверхдержава лишится статуса мирового гегемона. Как это повлияет на политику США, развивающихся региональных центров силы и на состояние международной среды в целом?

Ещё в конце 1980-х – начале 1990-х годов С. Хантингтоном была предложена концепция «столкновения цивилизаций» [13], которая и сегодня сохраняет достаточно высокую популярность. Не отрицая идею регионального лидерства, она делает акцент на непримиримых противоречиях между так называемыми цивилизациями, обозначенными по различным культурным, историческим, религиозным и прочим принципам. Однако с точки зрения плюсности международной среды столкновение цивилизаций предполагает её многополярность, т.е. высокую степень примыкания стран региона к центру силы. Очевидно, что сегодняшний уровень противоречий между сильными государствами и малыми и средними странами не позволяет говорить о *единой* внешней и оборонной политике (не только военной), находящихся под контролем одного центра силы. Этого не наблюдается ни в случае высокоинституализированного Европейского Союза, ни на примере мусульманского мира, ни тем более на постсоветском пространстве.

Попытки Соединённых Штатов вернуть мир к биполярному противостоянию, стимулируя межполярную конкуренцию, также потерпели неудачу. И дело не столько в отказе Китая от концепции «Большой двойки» и его приверженности собственной стратегии постепенного роста [2], сколько в отсутствии у какой-либо страны альтернативной глобальной концепции развития, способной стать оппозиционной западной либеральной демократии. Кроме того, сами Соединённые Штаты всё реже воспринимаются международным сообществом как главный и *единственный* защитник этих ценностей, сама идея экспорта которых оценивается весьма неоднозначно.

На сегодняшний день нет убедительных оснований полагать, что США изменят свою политику на международной арене. Сохраняющиеся и даже уси-

ливающиеся внутренние противоречия будут оставаться весомым стимулом для поиска различных внешних компенсаторов, как это было, например, в Российской империи, искавшей в 1905 г. быструю и победоносную войну.

США будут вынуждены сохранить близкие политические отношения с Европейским Союзом и экономические – с Китаем. В первом случае, потому что, помимо стран ЕС (многие из которых входят в НАТО), у США не так уж много верных сторонников. Во втором случае, потому что рост экономической взаимозависимости между странами слишком высок, чтобы жертвовать выгодным сотрудничеством в пользу неопределённых потенциальных политических дивидендов. С Россией, напротив, пространство для диалога будет сохранять свою ограниченность и некоторую конфликтность, за неимением другого столь же сильного и антипатичного для американцев оппонента.

При том, что Соединённые Штаты не очень активно и успешно сдерживают усиление региональных центров, у страны остаётся всё меньше возможностей сделать это. Не исключено, что, когда некая региональная сила, сравнившись с США по своему потенциалу, более уверенно заявит о своих международных претензиях, у последних уже не окажется действенных инструментов воспрепятствовать этому.

Тем не менее, данная ситуация отнюдь не означает «конец истории», каким его видел Ф. Фукуяма. Отсутствие полярности лишь усложняет «правила игры» на международной арене, которой не хватает предсказуемых фиксированных структур и систем отношений [12]. Тем не менее, эта арена по-прежнему остаётся своеобразной шахматной доской. При этом игроков на этой доске стало кратно больше, включая не только Соединённые Штаты и иные крупные международные державы, но и многочисленные малые и средние государства. Несомненно, увеличившееся количество «игроков» и «игровых комбинаций» вносит дополнительную непредсказуемость в международную политику, позволяя прогнозировать бесчисленное множество вариантов развития того или иного события.

Разумеется, США по-прежнему будут пытаться навязать миру собственные правила, предлагая всё новые концепции мирового господства, глобального лидерства, совместного управления и т.д. Весьма вероятны и различные пропагандистские приёмы, когда внешняя конфронтация будет умышленно провоцироваться и лоббироваться отдельными политическими кругами для отвлечения от внутренних проблем страны. Однако едва ли теряющий свой статус гегемон сможет эффективно противостоять объективным тенденциям развития международной политики. И чем быстрее это будет понято на высших политических уровнях, тем раньше и на более выгодных условиях США смогут вступить в глобальную конкуренцию, пока ещё оставаясь «первым среди равных». В противном случае стране придётся догонять нового лидера, сплотив нацию вокруг очередного внешнего вызова.

Список литературы

1. *Гаджиев К. С.* К полицентрическому мироустройству // Полис. 2007. № 4. С. 8, 23.
2. Китай против создания «Большой двойки» (<http://izvestia.ru/news/462085>).
3. Медведев упрекнул США в «подставе» на финансовом рынке (<http://lenta.ru/news/2008/09/10/podstava/>).

4. *Подлесный П.Т.* Внешнеполитическая стратегия США в XXI веке в оценках Зб. Бжезинского // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 1. С. 82–101.
5. *Сирота Н.М.* Деполяризация и полицентризация политической структуры мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). С. 164–168.
6. *Тэлбот С.* «...Мне кажется нельзя исключать разворот сына к идеям отца» // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). С. 13.
7. *Bacevich A.* American Empire – Realities and Consequences of US Diplomacy. Harvard University Press, 2004. 312 p.
8. *Brzezinski Zb.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, 2004. 256 p.
9. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 464 p.
10. *Gilpin R.* War and Change in World Politics. New York: Cambridge University Press, 1983. 288 p.
11. Global Governance 2025: at a Critical Juncture (http://www.acus.org/files/publication_pdfs/403/Global_Governance_2025.pdf).
12. *Haass R.* The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. May/June 2008. P. 44-56.
13. *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. 72. P. 22-29.
14. *Ikenberry G., Mastanduno M., Wohlforth W.* Unipolarity, State Behavior, and Systemic Consequences // World Politics. 20.05.2009. P. 1-27.
15. *Kegley Ch. W., Jr, Raymond G.* A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. New York: St. Martin, 1994. 278 p.
16. *Mann S.* Chaos Theory and Strategic Thought. Strategic Studies Institute. 1992 (<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/Articles/1992/1992%20mann.pdf>).
17. *Mearsheimer J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. Summer, 1990. Vol. 15. No. 1. P. 5-56.
18. *Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. New York: Alfred A. Knopf, 1978. 752 p.
19. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. Basingstoke: Macmillan, 1998. 896 p.
20. *Rice C.* Rethinking the National Interest: American Realism for a New World // Foreign Affairs. 2008. Vol.87/4. P. 13.
21. *Schweller R.* After Unipolarity. China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline // International Security. 2011. Vol. 36/1. P. 41-72.
22. *Walt S.* Alliances in a Unipolar World // World Politics. 2009. Vol. 61/1. P. 86-120.
23. *Walt S.* The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1990. 336 p.
24. *Waltz K.* Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Vol. 25/1. P. 5-41.
25. *Wohlforth W.* Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61/1. P. 29-57.
26. *Zakaria F.* The Future of Power. How America Can Survive the Rise or the Rest // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87/3.